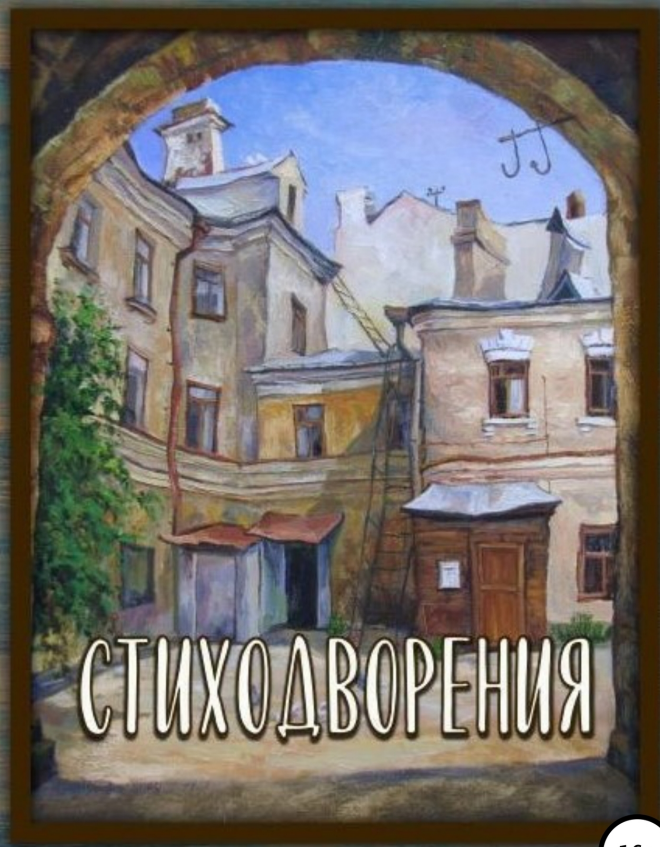

Эдуард Уچارов

16+

Эдуард Раимович Учаров

Стиходворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42122727

SelfPub; 2019

Аннотация

Поэзии Эдуарда Учарова присущи полифоничность, внутренняя противоречивость, тяга к контрастам, воплощаемая в слове и ритме. Узнаваемая чёткость бытовых деталей опрокидывается в бездну метафизики, кажущаяся простота оборачивается многослойной метафорой, лирическая исповедальность сочетается с беспощадно-зорким отношением к себе и окружающим. В книгу включены стихи, лирическая проза и эссе по мотивам произведений казанских поэтов, написанные за 10 лет.

Содержание

СТИХИ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

136

СТИХИ

ЛОБАЧЕВСКОГО, 12

Вот дом, что не меня короновал, –
всё старит Лобачевский переулок.
Под аркой шаг торжественен и гулок,
как некогда почившие слова
знакомых древнегреческих софистов.
Под рёв и сумасшествие их свиста
не я ли зданья вылепил овал,
а позже сам творенье не узнал?

Вот дворик, ускользящий во мглу,
со скрипом притворившийся до щели,
бессмертным изнывающим кощем
качели сторожащий, как иглу,
что спрятана у первого подъезда, –
на кончике её трепещет бездна,
друзей перемоловшая в золу,
которых я уже не позову.

Вот свет из неумытого окна
почти не пробивается спросонок,

и силуэт в проёме невесомо
вытягивает в форточку луна,
заставленная облаком и ночью,
как я заставлен буреломом строчек.
Сажусь с бокалом терпкого вина
и сам себя выдумываю я...

ЛЯДСКОЙ САД

Мы выжили, спелись, срослись в естество
чернеющей в садике старой рябины;
глухой, искорёженный донельзя ствол
не выстрелит гроздью по вымокшим спинам,

плывущим к Державину, выполнить чтоб
в обнимку с поэтом плохой фотоснимок:
блестят провода и качается столб,
троллейбус искрит, перепутанный ими,

а ливень полощет у сосен бока
и треплет берёзы за ветхие косы,
газон, осушив над собой облака,
под коврик бухарский осокою косит,

и голос фонтана от капель дождя
включён, вовлечён в наше счастье людское...

и мальчик соседский, в столетья уйдя,
по лужам вбегает в усадьбу Лецкого.

ЛЕНИНСКИЙ САДИК

Оседлав пешеходную зебру и мчась на кусты,
заблудился в словах, что, как вечность, длинны и густы.
И горит в подреберье остывший до льдинки рубин
полноцветьем калины и сочностью зрелых рябин.

Придорожный октябрь – ты опять графоман и расист,
на берёзы мои чёрно-белые так голосист,
что срываются птицы, о лете не договорив,
в беспросветную бездну – лихой загрудинный обрыв.

Уходящему в день, отступившему к охре в пожар,
только руку кленовую мне остаётся пожать,
по аллее пройдя от листа до другого листа
и дождя валерьянку считая по каплям до ста.

Проглотив истекающей сини микстуру на сон,
я вернусь поутру, прихватив, как отважный Ясон,
весь словесный гербарий поэта – плута и вруна,
потому что тоска моя в цвет золотого руна.

КРУТУШКА

Где Казанка волной одичалою
в камышовой кайме берегов
шестилетнего манит учарова
на крючок нарыбачить улов;

там, где в песнь безымянного озера
от тарзанки срывается крик,
и в песочную воду бульдозером
зарывается детство на миг;

там, где тучами небо зашторили,
но в просвет пропустили грозу,
а потом на столбах санатория
растянули сушиться лазурь;

там, где шахматный конь полусъеденный
старичка вдруг в атаку понёс,
но в гамбит развернулся обеденный,
променяв перевес на овёс;

где к огням пионерского лагеря
навесной устремляется мост,
и коты под Котовского наголо
расчехляют зазубренный хвост;

в ярких отсветах солнца закатного,
подрезающих соснам верхи,
где был мамой и папой загадан я,
там теперь ворожу на стихи.

НА КАЗАНСКОМ БАЗАРЕ

Здесь, на базаре, в шум и гам,
Среди корзин
Проходит бабушка к рядам
И муэдзин.

Здесь пахнет квасом и халвой –
Ядрёный дух!
Мясник с утра над головой
Гоняет мух.

Здесь в тюбетейку льют рубли,
Звучит баян.
Хозяин, старенький Али,
Немного пьян.

Здесь на бухарские ковры
И местный кроль
Придут рязанские воры
«Сыграть гастроль».

Здесь, разложивши короба,
Людскую течь
Сзывает бойкая апа,
Мешая речь.

И нищий ветеран труда,
Держась, как принц,
Займёт полтинник навсегда
У продавщиц.

А за углом, проспав обед,
Колокола
Разбудят звоном минарет –
Споёт мулла.

ОЗЕРО КАБАН

Ощетинился волнами стрижеными
матёрый кабан-секач:
у Булака – артист камаловский,
у Кремля – циркач,
в междуречье казанском
фонтанов надевший хламиду,
омывающий Пирамиду.
Через Романовский перешеек

фонарём глядит
на Колхозный рынок,
Петропавловским князем,
Кул-шарифским шейхом.
Темноту икринок
разрывает свет с куполов голубых
и высоких башен, –
ах, израненный зверь,
до чего ж ты страшен!
От бензиновых выхлопов
дохнет свирепый рык
и святыми слезами небесными
переполнившийся арык –
человеков, заблудших в осиянии дня
(аж в трамваях тряских!), –
окропляет ряской.
И «Алтыном» впивается в небо
отблеск торговых рядов:
столько синего-синего хлеба
вековых городов
не увидит, пожалуй,
ни один гидролог-историк –
на клыках новостроек.
Не буди же гребками
старого славного вепря –
ты лишь жёлудь в плывущем свинце,

от июньского ветра
так случайно сорвавшийся
с ветки метро на «Кольце»...

ГОРОДСКОЙ ДИПТИХ

1. Парк Чёрное озеро

Живёшь и печёную осень
подносишь к измятым губам,
а жёлтое крошево сосен
бескрылым хранишь голубям.

Пройдя через Арку влюблённых,
спускаясь за дождичком вниз,
сквозь цепь искалеченных клёнов
ты озера видишь карниз.

И так обрываешься сердцем,
что с тяжким пакетом в руках
торопишься где-то усесться,
у парочки место украв.

Задумчиво и виновато
твой взгляд переулку открыт –
Пассажу киваешь приватно,

рассыпав по лавке дары.

И Чёрное озеро примет
(пока ты ещё не домок)
заветное тление «примы»
и пива ершистый дымок.

Вот так вот – сидишь на скамейке,
корнями ушедшей в погост,
а годы проносятся мельком
в аллеях, где ты произрос;

где бегал на лыжах и с горки
ледянками мучил асфальт,
где летом от корки до корки
читался мячами офсайд;

где в марте, отважный и робкий,
в стремнине коварного льда
на досках хоккейной коробки
ты плыл неизвестно куда...

Сидишь и под баночку пива
печёную осень жуёшь –
и вроде не так уж тоскливо,
и даже как будто живёшь.

2. Парк Горького

Крутнёшь колесо обозренья,
поставив мгновенья на чёт –
и выпадет день озаренья,
и сердце стихом пропечёт.

За корочкой тёплого неба,
упрямо карабкаясь ввысь,
ты колокол высмотри слепо
и словом его вдохновись.

Взмывай над тропею овражьей
и над стадионом Труда,
пиши, как заходится в раже
в разбитом фонтане вода,

о старой канатной дороге,
детьми изнуряющей пляж,
и летнем кафе на отроге,
врезающем беличий кряж.

И пусть уничтожена местность,
но там, где аллеи свежи,
всё так же гранитно известный

солдат неизвестный лежит.

На вечном огне отогреешь
военную память отца
и горькие звёзды хореев
украдкой прогонишь с лица.

В захлёбе, мятущейся птицей,
в себе прорастив голоса,
захочешь на землю спуститься –
а нет под тобой колеса.

МИРУ – МИР

Миру – мир тебе, брат! – безмятежный скиталец весны:
прорастают вьетнамские лапти в бананы-штаны,
на измятой тельняшке горит пионерский значок, –
до ушей улыбается Лёша – смешной дурачок.

Выходя из буфета на млечный казанский простор,
он мычащие губы от крови томатной отёр
и, присев на скамью у обкомовских ёлок в тиши,
воробьиной семье бесконечную булку крошит.

Мимо оперных стен и ожившего вдруг Ильича
я на велике мчу, дяде Лёше дразнилку крича,

а в кармане звенят тридцать восемь копеек надежд
на берёзовый сок, два коржа и огромный элеш.

У продрогших витрин торможу через сколько-то лет –
за стеклом банкомат – не оплатишь обратный билет...
Будто в детстве, где целым богатством считался пломбир,
мне из окон глядит повзрослевший теперь «Миру-мир».

*«Миру – мир» – продуктовый магазин на Площади Свобо-
ды в Казани, названный по известному лозунгу, прикреплён-
ному на фасаде здания.*

МОЙ ЛЕНИН

мой маленький ленин всё ещё жив,
ворочается, не даёт покоя,
достанешь шкатулку, он пионерским значком уколёт –
добр и горяч этот миф.

на великах до Кремля и обратно,
пока мама не видит вроде бы,
футбол во дворе, кино, пляж у Мемориала,
кафе «Сказка» и кинотеатр «Родина».

актовый зал КГУ, скелет белуги,
клятвы торжественной звуки,

в приветствии вскинуты руки
и алая петля на шее...

овощной на углу,
тёплый батон и ледяное молоко
из литровой стеклянной тары
в три часа ночи –
нет ничего вкуснее.

первая сигарета «БТ» – брат вернулся из армии,
а папа умер,
первая реклама, спирт в пакетиках,
сколько ещё в башке моей мумий?..

затылок прогрызают мыши,
прорываются в гущу набальзамированных событий...
мой дедушка ленин всё ещё дышит –
не хороните его, не хороните...

КАЗАНСКАЯ ТАБАЧКА

Идёшь после пьянки и грезишь деньгой,
по Тельмана прёшь на «табачку» –
а год непонятен, и город другой
измят на сиреневой пачке.

Здесь искрами пышет лихой Актаныш,
в ночах по звезде прожигая,
с джигитом базарит за трубами крыш
сестричка Юлдуз дорогая.

Нагорный проулок, как проповедь, свят,
но морок отечества тяжек,
вдыхается облака нежного яд
в три тысячи полных затяжек.

Грехи отпускает завод-монастырь,
согласно квартальному плану:
в цеху богомольном цигарку мастырь,
а я вот мастырить не стану!

Стреляя на голос по несколько штук,
втяну никотиновый ладан,
и так раскалится янтарный мундштук,
что треснет губа стихопадом

и сплунутся строчки; сюда забредя,
ругнись недоверчиво матом,
для розжига веры лучину найдя –
Казанскую Божию Матерь.

И выбив опять сто костяшек из ста,

я там, где за куревом лазал,
в софийскую мушку распятыя Христа
нацелюсь лазоревым глазом.

УЛИЦА ВОЛКОВА

Волчьей улицы дом, словно клык,
расшатался и стал кровоточить,
и к нему два таких же впритык
разболелись сегодняшней ночью.

Раскрипелись, как будто под снос,
и распухли щеками заборов,
и теперь только содою звёзд
полоскать их до утренних сборов.

Око волка – багровый фонарь,
хвост его выметает прохожих,
а Вторая Гора, как и встарь,
окончательно их обезножит.

Крыш прогнивших топорщится шерсть,
крылышка, смеётся кузнечик,
он на Волкова, дом 46
нашептал Велимиру словечек.

Бобэоби – другие стихи –
в горле улицы, в самом начале,
завучали, больнично тихи,
но на них санитары начхали.

Здесь трудов воробьиных не счесть:
по палатам душевноздоровых
птичью лирику щебетом несть,
пусть и небо на крепких засовах.

А над небом царит высота,
а с высот упадает в окошко
пустота, простота, красота,
трав и вер заповедная мошка.

ОЗЁРА

И Лебяжье, и Глубокое
проморгали синеву,
только утка хитроокая
удержалась на плаву.

Только небо золотистое
всё ещё выходит в рост
и трепещет между листьями
усыхающих берёз.

На лугах тончают лужицы,
зазеркальем манит карп –
и взовьются, и закружатся
чешуёю облака.

Юность, памятью ромашковой
на меня венок надев,
разбегается барашками
...в круге первом...
...по воде...

ВАРВАРИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Храм стоит у погоста, напротив,
над оградами крестик держа,
напитавшись молитвой и плотью
приходящих к нему ухожан.

Двести лет над Сибирской заставой
дух крамолы витал палачом –
это здесь он Емелю заставил
по Казани греметь пугачом.

Потому ли Радищев и Герцен
у Варваринской медлили тракт,

что услышан был «Колокол» сердцем
и прочитан дорожный трактат?

А мятежный шляпинский гений,
оживляя церковный хорал,
не во время ли тех песнопений
столь великой судьбой захворал?

Не затем ли крещён Заболоцкий
в этих стенах – чтоб бунта чтецы
троекратно и многоголосо
осветили в купели «Столбцы»?..

5-Я ГОРБОЛЬНИЦА

Ангел явится – и вдруг начнёшь креститься,
да шарахнешься с насиженного рая
в неврологию, где пухлая сестрица
за кроссвордом и печеньем умирает.

То ли топот по линолеуму слышен,
что, как insult, пробивает черепушку,
то ли в междупозвонковой давней грыже
заходили с визгом диски у старушки?

Этим утром бродит солнце по палатам

и на лазер просыпающихся удит.
Расщепляет массажист тебя на атом,
и капелью острой капельница будит.

Оборону держит строго старый замок,
и моргают занавесками бойницы...
Внеурочный посетитель – полустанок –
разгоняет поездами боль больницы.

КАЗАНЬ: УНИВЕРСИАДА 2013

Кровить ещё июльскому деньку
до полной анемии дю Солея
и неба серебристую деньгу
ссыпать на переходе у аллеи.

А мне теперь выдёргивать билет
на зрелище совсем иного толка –
смотреть, как распоясался атлет,
в одну ладошку хлопать да и только.

Брести, где колченогая игра
восстала с разлинованного пола:
на Спартаковской холл к себе прибрал
зеркальные осколки баскетбола.

А на Манеже, цифрами кружа,
развеян том судейских протоколов.
Мне от рапиры бешеной бежать,
но сорок пять поймать в живот уколов.

И напоследок праздновать улов,
увидев, как на потном пьедестале
покатятся к подножию голов
налившиеся золотом медали.

СТАРАЯ КАЗАНЬ

По ветхим улочкам Казани,
смирненно дышащим на ладан,
иду с умершими друзьями –
а что ещё от жизни надо?

И будто горние берёзы
мне путь неспешный проясняют,
они, от старости белёсы,
всё понимают и... сияют.

А день окуривает дымкой
избушки курьи нежилые,
над тучей солнце невидимкой
им греет кости пожилые.

Шагаю мимо палисадов
по деревянному кочевью –
не заскрипят уже надсадно
полуистлевшие качели.

Не защечечут больше ставни,
приветствуя моё наличье,
и лишь в любезностях усталых
резной рассыплется наличник.

А за оврагом город громкий
несёт дожди и льёт за кромку,
а здесь – погибла на пригорке
от жажды ржавая колонка.

Родных калиток вереница,
я перед вами с болью замер:
вы – перекошенные лица
моей несбывшейся Казани.

БОРОВОЕ МАТЮШИНО

Дунет небо в дудку леса –
зашуршит кручёный лист,
он, есенинский повеса,

ГОЛОВОЮ ВНИЗ ПОВИС.

Из-за тучи, из-за бора,
бок сдирая о весло,
в оцеплении забора
смотрит Волга на песок.

Не в царёвых, но в палатах,
где на месяц я увяз,
за умеренную плату
погружаюсь в тихий час.

Ад молчанья – вот мне школа!
Здесь от третьего лица
я больного Батюшкова
учитаю до конца.

РАИФА

У Сумского озера взгляды
о солнечный купол сминай,
пока с Филаретом ты рядом
и дышит казанский Синай.

Истории ход одинаков:
честнейшие сердцем дружки

и здесь избивали монахов
и храмы восторженно жгли.

Но колокол, вырванный с мясом,
что в землю ушёл на аршин,
проросшим звучанием связан
с мерцанием новой души.

Так выгляни, скит стародавний,
запаянный метким свинцом,
меня тюремные ставни
на свет под сосновым венцом.

СВИЯЖСК

Впадает ли в Волгу кривая Свияга,
где кожа реки золотится на солнце
и храмы медовые, вставши на якорь,
в обеденный проблеск опутаны звонцем?

Впадает ли сердце в острожную крепость,
забившись о берег тугими волнами,
в крови оживляя восторженный эпос
о грозном царе от бревенчатых армий?

Впадают ли в спячку глухие столетья,

ушедшие вплавь на приступье Казани,
внизу по течению победу отметив,
забывшие всё, что стремительно взяли?

Заблудшее солнце, что рань ножевая,
безмолвные церкви по горлу полощет.
Но с лязгом мечей иногда оживает
на острове новом старинная площадь...

ЕЛАБУГА

Борису Кутенкову и Евгению Морозову

Ах, Елабуга прекрасная,
деревянные дома,
здесь из чарок Кама красная
льётся в глотку задарма.

Дождь по крышам ходит весело,
смотришь, куришь и молчишь –
где Цветаева повесилась,
стонет утренняя тишь.

Вы, Марина, тоже странница –
продираетесь строкой...
Гвоздик в сердце ковыряется:

пить ли нам за упокой?

Быть ли нам? Ходить по краешку?

Перепевами мельчать...

И, открыв на вечность варезку,

в пустоту стихи мычать.

Ах, Елабуга прекрасная,

Кама – красная вода...

Путь один, тропинки разные –

не уехать никогда.

М.Ц.

Рахиму Гайсину

Какой виной земля раздавлена

у приснопамятной могилы,

ведь Кама берегу оставила

ту, что на небо уходила?

Какое же проклятье чортово

её догнало в городище,

что в сорок первом жизнь зачёркнута,

а рваный стих бурлит и свищет?

Какая невозможность лживая
однажды хлопнула калиткой,
и страшный стон на Ворошилова
закончил то, что было пыткой?

Елабуга цветёт Цветаевой
и наливается рябиной,
где горло города сжимаемо
петлёй стихов её любимых...

БУЛГАРИЯ

Волга впала в Каму,
Кама – в небеса.
Небо под ногами
брызнуло в глаза.

Ищет, не находит
синь свою вода:
белый пароходик,
чёрная беда.

К берегу какому
выплыл башмачок?
Волга впала в кому –
больше не течёт...

ПИСЬМИРЬ

Словно в бычий пузырь, из автобусных окон глядишь,
со стекла оттирая давно поредевшую рощу,
в ней берёзами всласть напитавшись, молочная тишь
под корнями осин прячет кладбища грозные мощи.

Проезжаешь Письмирь – и становишься ближе к себе...
Через мост и холмы к полысевшему дому у речки
приникаешь лицом, подсмотрев, как в былинной избе
обжигает в печи мужичок то горшки, то словечки.

Проезжаешь весьмир, а в глазах, как в подзорной трубе,
только узкая прорезь земли под бушующей высю:
вот распят электрический бог на подгнившем столбе,
вот сосна полыхает за полем макушкой лисьей.

Позади Мелекесс пух гусиный метёт в синеву,
он на спины налип – мы гогочем и машем руками...
Нас, поднявшихся в небо, наверно, потом назовут –
облаками...

САМАРА: БУНКЕР СТАЛИНА

В землю, как в масло, на час уходи,

звякая лезвием взора
и под конец рукоятью груди
не ощущая упора.

Слыша, как гложет скрипучий вопрос
при пересчёте ступеней:
этот ли воздух просвечен насквозь
мглою декабрьских бдений?

Этот ли бог за зелёным сукном
мог раздражаться эдиктом?
Глубже и глубже, как сумрачный гном,
в шахту сомненья входи ты,

вдруг понимая, что в списке наград
нужен таланту не букер,
а бесконечный и внутренний ад –
голову давящий бункер,

чтобы, впотьмах побоявшись остыть
в поисках вечного солнца,
за драпировку заглядывал ты –
и не увидел оконца.

ЙОШКАР-ОЛА

Закипела тихая Кокшага...
Солнце, загоревшее на юге,
по фламандским крышам медным шагом
до Кремля проходит – руки в брюгге.

В этих дебрях камня и газона
заплутает глаз и не вернётся,
лишь на слух поймаешь капли звона
у Петра с Февронией в колодце.

И, пройдя по длинному ремейку,
ты в примете убедишься лично:
если спину чешешь о скамейку –
Йошкин кот приветливо мурлычет.

А потом, актёрствуя без злости,
встань зевакой и смотри без риска:
выгнув спину, Театральный мостик
стряхивает в речку интуристов.

И часы на башне возле арки
уведут за осликом к печали,
где тебя безжалостно и жарко
дом купца Булыгина встречает.

Здесь булыжник, к туфлям прилипая,

в сердце прорастает угорелом –
как в ту ночь, когда Чавайн с Ипаем
обнялись за миг перед расстрелом.

МАРИЙ ЧОДРА

Валерию Орлову

Пять озёр омывали тело,
воздух глиняный жёг виски,
над лесами заря хрустела,
к пальцам молний попав в тиски.

В пропасть пасти упасть и сгинуть,
кануть каплей в морской зрачок.
Измочалив о волны спину,
красть у карста ручей речьёв.

Кичиерского лося проще,
конанерского дуба злей,
где священная роща ропщет,
я кленовый краду елей.

Языкастый казанский мальчик
выгнул жабры и лёг лещом,
мы сыграем с тобою в Яльчик,

но сегодня пока ещё

льют русалочью кровь озёра,
бьёт марийская жизнь хвостом –
эту воду не сшить узором,
не распять никаким Христом.

МОСКВА

Сергею Брелю и Алине Левичевой

Встречай меня, Нагатинский затон!
Тебе, экскурсионному халдею,
пожертвую ногами, но зато
на целый город вдруг разбогатею.

Вот агнец на закланье ноябрю:
дрожит ручей под колокольным ладом.
Коломенское – я тебя люблю!
Какое счастье быть с тобою рядом...

Вот Церковь безмятежна «на крови»,
и вот другая – та, что на Кулишках...
А в Кадашах, наверно, нет любви,
раз церковь там считают за излишек.

Вот Меньшикова башня бытия
и Мандельштам такой же ноздреватый,
двуликий Гоголь, хмурый от питья
(а где Тургенев – борода из ваты?)

Дворцы, дома с заплатами палат,
знакомый дух великой чебуречной,
где под напевы водочных баллад
студенты Лита говорят о вечном.

Не разорвать Бульварного кольца,
как дружеских не разомкнуть объятий,
где у Перлова – чайная пыльца,
мы постоим в кругу китайских ятей.

Замоскворечья медленный зажим –
вот родственный татарский переулок,
к асадуллаевским строениям спешим,
где голос мой так гулок от прогулок.

Вот с Воробьёвых – властная рука
московские протягивает дали...
Течёт одноимённая река
и в сердце прожигаяще впадает.

Стоит Москва. Стою над ней и я,

столицую окидывая взглядом –
она теперь такая вся своя,
что, может, возвращаться и не надо.

САРАТОВ

Алексею Александрову

То сиренев, то салатов,
от ручья до Ильича,
бродит бронзовый Саратов,
на гармонике бренча.

Соколовой головою
мне тряхнёт – ещё налей –
надо ж выпустить на волю
пару диких журавлей.

Мы покурим с Табаковым
и на Кирова нырнём,
там, где в песню огонь закован
и придавлен фонарём.

Где задумчивое тело
беспощадней и бойчей –
Что же делать? Что же делать? –

всех пытается русский Че.

Утоли его печали,
астраханское кольцо.
Александров, может чаю?
Ты взглядишь в моё лицо.

Александров, Александров,
я уже наверно ною,
этот город не со мною,
ничего я не хотел.
В Липках плещутся каштаны,
ветер пишет строчкой рваной,
я опять не слишком рано
мимо Волги пролетел?

За окном Радищев свищет.
Всё пройдёт. И я пройду.
В кашеварне скушав пищу,
обернуся на ходу,

но подумать не осмелюсь –
был ли тот смешной вокзал,
где прощальный добрый Феликс
взгляды в спину мне вонзал.

ДАГЕСТАНСКИЙ ЦИКЛ

Мясат Муслимовой

* * *

Воздух всё тоньше: застиран, истрёпан,
у воздуха нет крыла,
но по сигающим в пропасть тропам
всё набирающим клёкот ромбом
мечется тень орла.

В кровь обдирая плечо перевала,
солнце борется с ним,
падает в гулкую щель провала,
туда, где звёзды переливало
небо в горную синь.

Шорох лежит на багровых скалах,
переходя в зенит.

Вся эта речь, что по ним скакала,
весь этот свет – полнотой накала –
дома теперь звенит.

Вся эта сила нечеловечья,
та, что в горах меня ввысь рвала,

здесь, за столом, схватив за предплечье
и обмакнув в облака наречий,
водит пером орла.

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ

Каспийское море бряцает волнами,
военная цапля рокошет над ними,
и дети в загоне ныряют всё дальше
в зелёную кожу, в рыбацкое ложе.

Каспийские камни бросаются грудью
на пепельный ветер с надутой щекою;
на баржу, плывущую из ленинграда;
на рожу, плывущую там, где не надо.

По скулам каспийским гуляют желвайки.
Где стиснула челюсть слоистые пляжи –
воздушную вату желают гуляки,
буфетчица с облаком рада продаже.

До нужной кондиции женские ножки
маняще взбивают каспийское море,
докурено солнце и брошено в море,
да только скребутся каспийские кошки.

И масляно чайка скользит на прощанье
в спортивной пробежке за кромкой прибоя.
Каспийское роме пьянит и тревожит,
и как-то грустится солёней всё больше.

* * *

Но в Дагестане смерти нет,
а есть всему чабрец.
А есть – хинкал и, наконец,
Гуниб – всему венец.

В тысячелетиях высот
языкий жив момент,
и в Дагестане смерти нет,
пока всему Дербент.

ДЕРБЕНТ

Весь мёд Дербента молодой –
с камней персидской лени –
греби каспийскою ладьёй,
не подмочив колени.

Весь ключ проломленных ворот
клади в подкладку шума,

где меч был перекован в рот,
в священный шёпот Джумы.

Петляй по кровотоку стен
над деревом граната,
вся ярость солнца – свет и тень –
под деревом граната.

Всю рысь, что кисть твоих ушей
во ржу небес макала,
на грудь Нарын-калы пришей
и слушай шаг магала.

Всю тяжесть бесконечных гор
вместить в бескрайнем взоре:
за лесом холм, за домом двор –
Дербент впадает в море.

СУЛАК

Как двухтомник Аронзона,
зеленит глаза Сулак,
тот и этот – лёд озона
на расплавленных губах,
над оскаленным каньоном:
дуб, встающий на дыбы,

глина, хвоя, птицы, кони,
сердце, небо, гор горбы –
на ночь в пропасть пишут стансы,
в бездну дна желая лечь,
на каскаде гидростанций
вскипятив прямую речь,
взбаламутив говор звона
в забытом Зубутли –
словно томик Аронзона
бубенцами по груди,
словно книга винограда
вызревает, посмотри,
словно руки водопада
глядят фермы Миатли,
словно славно на цитаты
разливается Чиркей,
где взрываются гранаты
алой сочностью своей,
где двухтомник Аронзона
на расплавленных губах –
за холмами горизонта
мне сулил стихи Сулак.

САРЫ-КУМ

Там, где сип кривоватый

близоруко порхал,
о колючие звёзды
чешет шкуру бархан.
То зевнёт, обопрётся
на каспийский кулак –
мни ступнями мне спину,
мой заезжий кунак!

То сухим дуновеньем –
шелохнуться не смей –
колыбельную свищет
для измотанных змей.
И свернётся клубочком
ошарашенный гид,
а бродяга пустыни,
сарыкумский джигит,
повернётся к закату
и подсечкой в борьбе
бросит грузное солнце
на кавказский хребет.

Только пятки сверкнут
за канатами гор,
только облако вспыхнет
в лиловом трико,
где извивы следов

удлиняет гюрза,
где раздвоенным жалом
зубоскалит гроза,
где огромная ночь
вниз висит на весах,
где осыпалось время
в песочных часах.

КОНИ ТАРКИ-ТАУ

Тимуру Раджабову

Эти кони Тарки-Тау –
нам великая родня.
Посмотри, как чёлка тает
в уходящей дымке дня,

как расплёскивает гриву
над каспийской полосой,
и копытами прилива
конь расхрустывает соль.

Посмотри на них, дружище,
сквозь ак-гёльское стекло –
как они губами ищут
человечье тепло.

Как у них под облаками
на хвостах Петровск повис.
Наши тени за камнями,
за конями скачут вниз.

От Расула до рассвета,
от Гамзата до темна –
мы проходим город этот,
помятая имена.

Понимая, что простая
нам легенда не лгала –
на конях из Тарки-Тау
держится Махачкала.

ГУНИБ

Разговор за рулём заползает в Гимринский тоннель,
свет крошится в щепу, проступает на сводах и каплет.
Разговор о недавней войне здесь длиннее вдвойне
и острее, чем самый искусно наточенный скальпель.

«...потому что когда наши «братья» напали на нас, –
говорит Магомед, стиснув пальцы до белых костяшек, –
каждый вышел на бой и село своё древнее спас,

потому что был прав, потому что был выбор не тяжёк...».

Ирганайская гладь бахрому высоченных лесов
разрезает на треть и растит их в своём отраженьи.
Магомед поднимается ввысь, где гора на засов
заперла серпантин в полуметре от неподвиженья.

В полушаге от птиц... Можно прыгнуть на спину орла,
нахлобучить папаху небес, облака подгоняя,
всю скалу родниковых снегов осушить из горла
и услышать Койсу перекатливый рык нагоняя.

«...потому что смотри, как Салтинский искрит водопад, –
говорит Магомед, – всеми красками льёт непрестанно!
Так и мы: и кумык, и аварец, и лакец, и тат –
всех народов ручьи – вот величье реки Дагестана!».

Там вдали Унцукуль дарит витиеватый кизил,
он теперь навсегда золотую насечкой мне светит.
Магомед говорит: «Уж кого я сюда не возил –
нет, никто не видал вот таких вот холмов на рассвете».

Впереди – двух веков позади – замаячат огни,
замегаются тени полков эриванских и теркских, –
это бьёт по глазам ослепивший долину Гуниб,
это сёдла вершин дожидаются всадников дерзких.

Здесь закончилась долгая бойня кавказской войны,
здесь, пленив Шамиля, Государь пировал на поляне,
а теперь вот пируем и мы, но и мы пленены,
всей душой пленены Дагестаном.

ГАВРИИЛ КАМЕНЕВ

Всё от Бога: и слово мрачное, и лученье смешливых губ,
капиталы, дома барачные и дворянства былой суккуб.
Упокой перейдёт во здравицу на гортанном наречье мурз

—
и не то, что купец объявится, но потомок татарских муз.

То ли азбуки, то ли ижицы – коли чёрный огонь внутри,
не читай, что на нёбо нижется, о бумагу перо не три...
В задыхании – после бега ли за сосновые образа –
так уколет твоя элегия, словно хвоей метнёт в глаза.

На погосте, теперь разрушенном, за Кизической слобо-
дой,
прах твой станет могиле ужином, память вытравит лебе-
дой.

Но однажды всплакнёт балладою, зовом зыбким Зилантов
вал –
о Зломаре впотьмах балакая, пригрозит, прогремит Гром-

вал.

Это мистика, это готика – два столетия псу под хвост...
И классическая просодика на анапест наводит лоск.
Только нет у героя книжицы – наизусть ты его блажи,
где в бетон закатали Хижицы, чтобы каменев пал с души...
ши...

Гавриил Каменев (1773 – 1803) – первый русский романтик; автор первой русской героической поэмы «Громвал».

ИВАНУ ДАНИЛОВУ

Нарубишь боль души на честные словечки...
Берёзовые дни сгорят в июльской печке...

У сердца на краю тyani тоски резину...
И поллитровку сна неси из магазина...

Сбываются слова рифмованной кукушки...
Нормальнее всего лежать тебе в психушке...

Под балалайку лет зайдёшься в пьяном оре...
Застонешь о судьбе – струна застрянет в горле...

Иван Данилов (1941 – 2010) – казанский поэт, автор книг стихов «Завязь» и «Птица долгой зимы».

ГЕННАДИЮ КАПРАНОВУ

Ни росы, ни света – солнце опять не взошло,
я неряшлив и короток, как надписи на заборах,
меня заваривают, пьют, говорят – хорошо
помогает при пенье фольклора.

Лёд и пламень, мёд чабреца,
сон одуванчиков, корень ромашки ранней,
пожухлый лопух в пол-лица (это я), –
надо смешать и прикладывать к ране.

Будет вам горше, а мне от крови теплей,
солью и пеплом, сном, леденящим шилом, –
верно и долго, как эпоксидный клей,
тексты мои стынут у Камы в жилах.

Вся наша смерть – в ловких руках пчелы
молниеносной – той, что уже не промажет:
словно Капранов, я уплыву в Челны

белый песок перебирать на пляже.

Геннадий Капранов (1937 – 1985) – казанский поэт, погиб от удара молнии на пляже в Набережных Челнах.

ДЯТЕЛ

Дятел – разведчик звука,
родственник молотка,
сколько ты мне отстукал
птичьего молока?

Сколько, вещая птица,
голосу вышло жить?
Сколько мне слов приснится
и прислышится лжи?

Чёртова колотушка
присно пишушим в стол!
Скольким станет ловушкой
бьющее долото?

Проклятыми листьями
ты по вискам – в упор,

если стучать устанешь,
я подхвачу топор.

ЗВОНАРЬ

Я ещё до конца не изучен,
не испытан на прочность пока,
но как колокол бьётся в падучей –
я набатом сдираю бока

и плыву в этих отзвуках долгих,
наблюдая, как с гулом сердец
проступает над веною Волги
побелевший часовни рубец.

И в малиновом хрусте костяшек
на ветру у свияжских лагун
прозреваю я голос свой тяжкий,
но понять до конца не могу.

Бечеву до небес изнаждачив,
истрепав до полбуквы словарь,
захожусь в оглушительном плаче –
одиноким зовущий звонарь.

БОЯРЫШНИК

Мой грустный друг, когда слышны слова,
Бредущие к сочувствию прохожих,
Таинственная ягода – зла вам
Не принесёт, а только лишь поможет.

Прислугой у аптечного замка
Вы так печально мелочью звените,
Что чёрствости теряется закал,
И губы сами шепчут: «Извините...»

А Муза рядом чек пробьёт пока –
Наступит ясность бытия земного,
И с божьей помощью её рука
Протянет кубок вдохновенья снова.

Тончайший лирик, в ком трепещет ток
Промозглых утр и мусорных приборьев –
Вы в два глотка осушите всё то,
Что мне за жизнь отпущено судьбою.

* * *

Я помню наше долгое начало:
не дома ты.
И чаек крик волна в себе качала

до немоты.

И звёзды отражением касались
самих себя.

И час для нас тогда сгорал, казалось,
за миг, слепя..

А тени над Казанкой выдували
хрустальный звук.

И ноты плыли в сомкнутом овале
устаи двух.

По Федосеевской струился пламень
от Цирка прочь.

Над городом протяжно куполами
церквела ночь...

ИДОЛ

Г.Б.

Над капищем развеется зола,
Придут на смену боги постоянства,
Аллах отменит жертвенное пьянство,
И канет жрец в нарубленный салат.

Послышится едва заметный скрип
Уключин лодки в серых водах талых,

Сознание погаснет в ритуалах,
Пока паромщик в церкви не охрип.

Качнётся берег, жизнь проговорив.
По отблеску божественной идеи
Плывут обратно волнами недели,
О разум разбиваясь в брызги рифм.

Мы вечно снимся миру: ты и я,
Безвременьем невинно обожжены.
Кольцо на пальце – наша протяжённость,
А спящий камень – форма бытия.

* * *

Бродя по закоулкам января
во двориках, прижавшихся к домам
стволами лип с обмёрзшими ветвями,
оглядываясь, вновь увижу я
румяный лик святого Рождества,
к заутрене зовущего церквями.

И брызнет жизнь на полушубок мой
малиновыми каплями луча,
рассвет покажет место, где далёко
скользнуло небо на пустырь седой

и голубою тучей улеглось
до Воскресенья подремать немного...

ДОРОГА В БЕРКЛИ

*«Быть – значит, восприниматься»
Джордж Беркли*

Креста мистические взмахи
На куполе мелькнувшей церкви
Железным блеском об рубаху
Царапнули при въезде в Беркли.

Никелированные крылья
Несли потомка Гавриила
По автостраде многомильной
Мощёной – в адское горнило.

Побрив Неваду возле уха
Опасным лезвием азарта,
Калифорнийских акведуков
Я разрезал черту на карте,

Как резал вены в восемнадцать,
Проехав сквозь Долину Смерти.
Тогда другим восприниматься,

Наверное, мне кто-то мерил.

А ветер бил по серым скулам,
Глаза щипало, солнце меркло.
Но на хайвэе среди гула
Я различал кантату Беркли.

ФОТО

Гале

На груди ли меня хранишь,
дабы сердцем взглядеться зорко?
Уголок ли обгрызламышь,
забирая добычу в норку?

Береги меня, береги –
отпечаток на тонком глянце.
Но в любви уже перегиб:
ожидать, ненавидеть, клясться.

Мы засветим совместный кадр,
но проявимся по-любому.
Глянь, как в камере миокард,
утекают года альбома.

Поистреплется твой сафьян,
время выдумает затею,
где в старушечьих лапках я
хрусткой осенью отжелтею.

* * *

В полу затёртом, между щелями,
под сенью венского стола,
сверкая звёздными ущельями,
живёт космическая мгла.

Живёт, соседствуя с предметами,
которые, скользнув за край,
в полночном спектре фиолетовом
заветный выискали рай.

Там, преисполненный томления,
кружок советского рубля
заводит гордо песнопения
в канун седьмого ноября.

Конфетный фантик белым парусом
плывёт за паутинкой дня
между вторым и третьим ярусом
сплетённых досок бытия.

В плену потерянного времени
там, неудачник пилигрим,
дряхлает гвоздь, седея теменем,
забитый в бездну молодым.

И всё течёт, и всё меняется:
полёты снов, движенья тел,
и бутафорский свет качается
колчаном искроносных стрел.

Когда же тапок прикасается
к расщелине иных миров,
к подошвам чувственно ласкается
полов межзвёздная любовь...

ВОЗВРАЩАЯСЬ С ВОЙНЫ

Так брести, как грести по воде,
взмахом рук помогая движению брюк к пустоте,
а словам – обретать простоту на листе.
Неуёмную мысль вдруг повесить
помятой армейской фуражкой на крюк
платяного шкафа. Иль забыть на гвозде.

Либо стать мудрецом, в маску скомкав лицо.

Мысль убрать под диван.

Как султан, свесив ноги с тахты, говорить всем «якши»,
за притворной улыбкой скрывая
две тысячи сунн и священный Коран,
по(читаемый) мною так часто в тиши.

Мысль на цепь посадить, словно пса,
пусть скулит в закоулках ума,
сторожа закрома серых масс мозгового венца.

Неудачно грустить, то и дело сбиваясь на смех, и его за-
дарма

с хрипотцой всем врагам раздавать под винцо...

Без свинца...

ФРЕКЕН

Фрекен, прочтите несколько строк

Позднее, когда замерцают свечи –

Ибо словесных громадин тролль

Окаменеет при солнечном свете.

Лёд моих пальцев Вам передаст

Ломкий, грохочущий скалами почерк;

Фьордов тоскливая череда

Серебряной рябью выведет точки.

Грубый утёс, иссечённый в пыль
Одним дуновением ветра, Фрекен?
Вы принуждаете быть другим,
Кровь обращая в кипящие реки!

Вы заставляете знать любовь...
Викинга дух, от костров прокопчённый,
Помня, как выжить в битве любой,
Капитулировал перед свечою.

ВЕНЕДИКТ ЕРОФЕЕВ. МОСКВА – ПЕТУШКИ

Говорят все: Кремль (снова Кремль!) Сколько раз нащупывал я дно!

О, тщета! О, эфемерность темы! Как направо – Курский, всё одно...

От рассвета до открытия манны Ангелы Господни берегут
Сиплых душ нелеченые раны, хересом промачивая грудь.

В восемь и шестнадцать на перроне, отправляясь в про-
пасть належке,

Беззащитно непохмелённый, чемоданчик я сжимал в руке.

Две «Российской», столько же «Кубанской». И ещё креп-
лёное вино.

«Не нужны стигматы, но желанны» – пей, пока холодное

Оно.

Серп и молот. Я, конечно, выпил. Трепыхнулось сердце в небеса,

Словно над болотом взмыло выпью. Унеслось проведать чудеса,

Тамбура бескрайние границы. Возвратилось. Я вошёл в салон.

Встретили нахмуренные лица: всё один и тот же страшный сон?

Чухлинка. И весть пошла наружу. Рёк бы, да по скромности не стал.

Бутербродом заарканил душу. Усмирил бытийный свой оскал.

Оглянулся. Два мордovorота разливали «Свежесть» под укроп,

А над ними деликатный кто-то отирал от нимба мокрый лоб.

Кучино. Близка моя царица. Ангелы застенчиво жужжат: Рыжая нахальная блудница не познает Венечкин разврат! Ангелы! Да как вы не поймёте? Я доеду, я не пьян пока... 43-ий проезжаем вроде? К Храпуново тянется дуга.

Ах, тридцатый тот глоток некстати, задышать как будто

не даёт,

Ждёт меня дитя, да Бога ради, отпусти, прошу, Искарriot!
Я везу ему гостинец мятый: горсть орехов и конфет кулёк

—

Это ли тебе совсем не свято? Это ли не мне теперь зарок?

Почему мы движемся обратно? Почему Покров левее,
тварь?

Петушки? Бессмысленно и ватно выхожу под сгорблен-
ный фонарь...

В восемь и шестнадцать рано утром, я же помню, точно
выезжал,

Отчего ж луна на небе мутном предлагает выпить мне бо-
кал?

Четверо. Бегу от них что мочи. Как заметно выросли дома.
Горло от предчувствия клокочет, мысли вытрясает из ума.
Сердца завершается кипенье, стал тяжёлым у грудины
крест:

Не было вершины и паденья. Был всё тот же отмерший
подъезд.

СОЛОГУБ

Губ ваших соло,
Фёдор Кузьмич, —

Чуткого слова
Горестный клич.

Тайной завесой
Вглубь проросло
Мелкого Беса
Крупное зло.

Помните место:
Страха причал –
Чорт здесь, известно,
Вас укачал.

Бешено, в мыле,
Рвась через рвы,
Так и открыли
Истину Вы:

Жизнь безоглядна
Хрупкостью воль.
Как же понятна
Слов ваших соль...

КУЗМИН

На «Форель разбивает лёд» 1929 г.

Задумчиво и прекрасно
форель разбивает лёд
и рыбьей, но тоже красной,
строкою в бокалы льёт.

Прижечь бы устами раны,
зубами хрусталь кроша...
Но позднее слишком рано
стихам отсчитало шаг.

Диковинной чешуёю
глава вдалеке блеснёт.
Сегодня – к картошке с солью
форель одолеет лёд.

ГУБАНОВ

А если резать – проще по живому,
чтоб мясо мысли вымарало скатерть,
и в алый парус надышать Житомир,
по венам рек пустив прощальный катер.

А если полюбить – то захлебнуться
притоком крови к бешеному слову!
Чтоб хлынуло из горла всё до унций

копившееся: доброе и злое.

А если разбиваться – только насмерть!
Всё лучше, чем по мелочам колотья...
От сырости не подхватить бы насморк
на дне у неприметного колодца.

АНГОЛЬСКИЙ ПОЧТАЛЬОН

В стране амбунду, к северу от гор,
где студит снег расплавленную почву,
алмазный дождь по ямам сыпал почту,
закатных искр крадя у неба горсть.

И всадники тропических степей,
апрелем обжигающие ветры,
разглаживали скачкой километры,
неся депеши звёздную купель

вобравшему в себя морщины рек,
танцующему цензору ойкумен,
чей выверенный пульсом ночи бубен
выстукивал желанный оберег.

ОБЛОМОВ. ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ВАРИАЦИИ

Действенная тоска – штрих к моему портрету,
грифельный скрип по аспидному сланцу.
Если выведет кривая, то я приеду
нищим принцем с князьком-оборванцем.

Вырвусь из грязи, это нехитрое дело,
друга представлю – немецкий мой кореш,
кровь разгоняет, дабы не очень густела.
Кстати, чем нас с Андрюхой покормишь?

Есть некий план: Бельведерского Аполлона
охлаодить корреджовой «Ночью».
Как ты считаешь, хватит пивного баллона
туфли испачкать римской почвой?

Грум запрягает праздничный выход трамвая,
день ест от солнца последнюю дольку.
Три остановки, но до конечного рая
всё не доеду, милая Ольга.

ПО ВЕЧЕРАМ

По вечерам они целуются,
когда волшебны фонари
на незнакомой лунной улице
подобны бликам от зари.

По вечерам на ветхой лавочке
они листают впопыхах
влечения небесный справочник,
любовью изданный в томах.

По вечерам в сени красавицы –
слегка задумчивой ольхи –
они друг к другу прикасаются,
читая по глазам стихи.

Крадут они у ночи-стражницы
печальных звёзд пролитый свет.
По вечерам им снова кажется,
что Бог, конечно же, поэт.

МОЛИТВА

Трагичным тоном
Ночью нараспев
Псалмы читает
Голос нашей бабушки.

Он, в этом деле
Громко преуспев,
Детишек sny

Вдруг превращает в камушки.

И дети ёжатся,
Проснувшись наконец,
Внимая заунывным
Заклинаниям.

Им кажется –
Они уже на дне
Чего-то страшного
И взяты для заклятия.

А голос бабушки
Ревёт, неутомим,
Иссохшие ладони
Пляшут танцами.

Мы троекратно
С ними воспарим,
И в лоб, и в пуп,
И в плечи тыча пальцами...

* * *

От тоски да от совести
Только в винном чаду

Я в хмельной невесомости
Вновь по краю пройду.

Может, скоро и сгину там,
В раскалённой строке,
Оставляя покинутым
Этот дом налегке.

Я же вам не Цветаева –
Мне не светит черёд.
На портвейнах настаивал
Стихотворный отчёт...

* * *

А что поэт? Сидит себе на жёрдочке,
клеветает клювом, зарится пером...
Легонечко весна коснётся форточки
и озарит лазурью птичий дом.

По зёрнышку, по лучику, по ядрышку
накрошит в плошку солнечных деньков
и радужно их сядет щёлкать рядышком
за прутьями плывущих облаков.

У клетки золотой названий тысяча.

Щеколдой нёба небо щекоча,
и ты сейчас сидишь себе напыщенный –
соловушкою в облике грача.

ПЕТУХ

Если комом каждый слог,
мысли, как взбешённый улей –
упоительно и зло
ноги тянутся на стуле.

Продевается за стык
бечева, потёмки саля.
Фиолетовый язык
отсекает смерть косая.

Ночью выстрелом шагов
метит бес поэта-шельму –
у того рубцы от кофт,
от петли лоснится шея.

И хрипит с утра петух
так обыденно и плоско –
будто тщетность слов-потуг
возвратилась отголоском.

31 ДЕКАБРЯ

Окончен год до срока,
промчался день за час.
Мы снова делим бога
на целое и часть.

Мы добавляем лица
в великий телефон,
и вечный список длится
на тысячи имён.

Сегодня фейерверком
надежд сверкнут глаза
и, как под Кёнигсбергом,
орудий грянет залп.

А завтра русской болью
охрипший в пире бронх
у выдоха отмолит
последующий вздох.

ХОККЕЙНЫЙ РЕПОРТАЖ

Потеет лёд.
Туман рябит в глазах.

Горит лицо от ледяных булавок.
Пятно зевак,
вибрируя в басах,
с безумным треском разговевших лавок
нависло взглядами слезливых попрошаек.
Гол не спешит.
Его настанет час.
Не выполнен размах кувалды клюшкой.
На развороте высек каланча
рубанком ног узорчатые стружки,
вратарь поймал заветный диск в ловушку.
А лёд орёт,
скрипит во всю гортань,
его коньками режут по живому...
Настырный форвард совершил таран,
бросаясь на ворота, словно в омут,
но был зажат, придавлен и отторгнут.
Проход по флангу,
пас из-за ворот.
Отскок. Удар. Зажглись ворота красным,
от децибел готов порваться борт
в трибунном приступе хоккейной астмы.
Судья показывает к центру властно.
Табло трепещет,
косится упасть,
мелькают цифры, эпизоды, лица,

десятитысячно раскрывшаяся пасть
пришла игрою нынче насладиться,
где чемпион обыгрывает вице...

СЛАЛОМ

Где облако спешит за ворот
в изломанности горных хорд,
осовремененный Суворов
обозревает переход.

Здесь цепь озёр: за блюдцем блюдца,
каймай врезаясь в берега,
о камнепад нещадно бьются,
летя в лавинный пережат.

Босыми пятками рассвета
примят к вершине эдельвейс,
и луч, меридиан разведав,
снегов утяжеляет вес.

Тут лепет утра уши лепит...
Шале стремится напролом,
когда по трассе русский лебедь
альпийский воздух бьёт крылом.

ШИФОНЬЕР

И я рождён был между двух огней:
Земля и Воздух – вот мои стихии.
Зимою раскалённым суахили
я изморозь проплавлю на окне.

Как будто город сном не утечёт
в сырую Лету мёртвого артикаля.
Я наблюдаю, как моим картинкам
музейный штиль уже ведёт учёт...

А ветер, наигравшись в провода,
срывает фантик с приторного века.
Шуршат года листочками на ветках
и жизнь мою спешат земле отдать.

Степному небу грезится ковыль –
должно быть, небо тоже полукровка...
Печальных истин мятая коробка
пылится в шифоньере головы...

* * *

Не поезд Анну красит, –
но катится трамвай

отточенную фразой –
под дребезжанье свай.

Куют колёса гомон,
звонит прямая речь
в предчувствии знакомом
смертельных телу встреч.

Теперь за все цитаты
расплатится с лихвой
уже известный автор,
упав на мостовой.

МОЙ АНГЕЛ

Гале

И шум и свет, и день мой нараспах,
и зеркала усмешка обезьянья,
и голова, так жаждущая плах
беспамятства, глумления, зиянья,

и звон чугуновой мысли впереди,
и жадный зов сосущей клетки плоти –
мои потусторонние вожди,
что так ещё меня и не проглотят...

Живёт дыханье, всё ещё живёт,
тобой хранимо, ангел мой небесный –
за вещим бормотанием высот
одной тебе понятной льётся песней.

Прости, что ты ждала день ото дня,
вся в горечи, любовью убывая,
но омывала каждый раз меня
твоя слеза, что капля дождевая.

Живёт ещё дыхание в груди,
и времени – на вечность и пол-лета...
Веди по васильковому пути
безумца, предсказателя, поэта.

ПОДВОРОТНЯ

Привет тебе, суровый понедельник!
Должно быть, вновь причина есть тому,
что в подворотне местной богадельни
тайком ты подворовываешь тьму.

И клинопись с облезлой штукатурки
на триумфальной арке сдует тут.
Здесь немцы были, после клали турки...

на Vaterland могильную плиту...

Теперь же неуёмная старушка
с бутылным звонцем – сердцу веселей –
все мыслимые индексы обрусит
авоською стеклянных векселей.

И каждый здесь Растрелли или Росси,
когда в блаженстве пьяном, от души,
на белом расписаться пиво просит
и золотом историю прошить.

* * *

Живу. И видит Бог... Конечно, нет.
Имеющий глаза да не увидит.
Как написал дряхлеющий Овидий –
о, как он интересно написал...

По выходным безвыходность гнетёт.
Заматеревший март ручьями полон...
До вечера капель играет в поло,
а ночью Марко ищет, где восток.

Когда же перемелются снега,
на суточном дежурстве мне по рации

ты передашь, должно быть, друг Гораций,
что завтра будет лучше, чем вчера...

* * *

Забалдев под болдинскую осень,
заварю иголки кипариса:
заходи чайку попить, Иосиф –
неба умирающего писарь.

Посиделки с классиком поэту
как не помянуть тоскливо-броско?
Потому в Венецию поеду,
или где там похоронен Бродский?

Только в эту шалевую осень
ошалеть другим придётся строкам –
водки заходил напиться Осип,
чтоб согреться под Владивостоком...

* * *

За облаками вёрсты навестай –
где с песней, выдуваемой в хрусталь,
стоят, в своей красе непогрешимы,
замёрзшие в девичестве вершины,

где усачом у терекских излучин
закат до посинения изучен.

Там изобилье в роге у Вано
на вкус и цвет: как выпить дать – вино.
А горные и торные козлята
под ноги сыплют огненные ядра,
и тратится к подножию Казбек
на эха перепуганного бег.

АНКА

И вечер на тебя немного укорочен,
и ложу египтян завидует Прокруст,
и колотушкой лба сияет околотчий,
о косяки дворцов раздаривая хруст.

Не слышен ход небес, веление царёво –
принцессу не будить на месяц Рамадан,
пока безумный март Алисою зарёван,
и розы февраля царапают майдан.

И рвётся из цепей тоска цепных реакций
ядрёным ноябрём с Авророю в капкан.
Заря ещё красна с пальбою пререкаться,
когда на Ильича картавится Каплан.

Задушенный Кавказ умоется снегами,
Остапу надоест промышленный Провал.
И если я не прав, возьми в ладонь не камень,
а вычурный наган и ущеми в правах.

И вечер на тебя немного укорочен,
и ленточки твои заплетены в «Максим».
Встречай и напиши о стрёкоте сорочьем,
ресницами в крови на карту занеси...

* * *

Возьмёшь стихотворение кряхтя
и тащишь на тринадцатый этаж:
полтинничек – за лестничный пролёт,
а можно и немного доплатить.

На третьем – разминёшься с алкашом...
на пятом твой законный перекур –
и в жалостную банку из-под шпрот,
как милостыня, бросится бычок.

Ступени стонут, проползая вниз,
плечу от лямки адски горячо,
но, перья просыпая за собой,

с напарником тягаешь этот текст.

И падает на ногу строгий смысл,
и рифмы оглушительно трещат,
потом у поворота на восьмой
перилами карябаешь строфу.

Настойчиво названиваешь в дверь –
хозяйка в псевдонорковом манто
(литощного надмирья старожил)
почила...

...не успели донести...

* * *

Утром мама взорвёт небеса,
а затем подожжёт и подушку.
Как об этом, скажи, не писать,
если их мчс не потушит?

И в столичных духовках метро,
злопыхателям местным на радость,
на глубинах пропащих – и то –
увеличится вверенный градус.

Как на это, скажи, мне смолчать
и умерить дозорный хрусталик,
если есть и слеза, и свеча,
если мамины руки устали?

И тряпичное бьётся окно
о бегущие тучи дюралья...
Разве выдержит небо его,
где стекло ещё не протирали?

ТАМ

Там ещё пишут...
Это когда
водят палочкой по бумаге.
Ищут пищу,
ра-бо-та-ют –
странный обряд ушедшей магии...

Там ещё солнце – железный диск –
лязгает по небосводу,
и неуёмный рассвет-садист
в тёмные окна воткнут..

Там ещё жив благодатный звук,
но не посредством речи,

просто ружьё, сжевав кирзу,
сердце дробинкой лечит.

Там ещё можно куда упасть...
В перистых тех хоробах –
время спрессовано в лучший пласт,
в котором слова хоронят.

* * *

Там меня пишут вензелем до вершин.
Там обо мне явно слагают вирши,
как я тринадцатый подвиг не совершил:
взял – из игры и вышел.

А было что вспомнить: лев под рукой немел,
гибра кончалась при головообмене...
Вепрь и лань, бык, что всегда имел
критские бабки не в моей ойкумене.

Страсть как смешно видеть сады Гесперид:
в яблоках кони двигают взмыленный перед...
Ворон, бывало, взгляд свой в тебя вперит,
словно в печёнку вонзает медные перья.

И проезжаешь Дербышки, как царство теней,

кладбищ в округе – что фиников в Палестине:
это как слепленный плач на еврейской стене,
что вместе с мамой моей в катафалке остынет.

* * *

Там, в голове, зреет яйцо ума:
птенчик готов клюв за идею щерить...
Полной когда станет твоя сума –
вместе со смертью мудрость раздавит череп.

И вознесёшься, и упадёшь опять,
в общем-то, спя, если на самом деле,
крылья свои о небо опять дробя,
кровью и телом завтракая недели...

Пережуёшь, переживёшь глагол,
на ночь вином не позабыв причаститься,
и улетишь в зарево, где щегол
лужгает звёзды, сплёвывая зарницу.

АКРОСТИХ

Говори на пурпурном наречье,
Абы молча не сиять в пролёт.
Легче льна, бегонии далече

Изумруд небесных глаз пройдёт.
Наплетя с три короба, вериги
Абазур лубочный оплетут –

Быть бы мне коперником великим
У русоволосых амплитуд,
Луч ловить провидцем окаянным
Аккурат длиннотой медных строф,
Трепетно в пространственные ямбы
O(I) Rh(-)
Выпуская медленную кровь.
A(II) Rh(+)

АМЕНХОТЕП ИВАНОВИЧ

За артефактом Мемнона на питерском листе
Аменхотеп Иванович загадочно блестел.

Молчанием взбешённого, но мудрого леща
он расплзался буквами, по клеточкам треща.

Он волновался волнами наждачными Невы,
сопел, жестикулировал и разве что не выл.

И грудью синь взрезая, как сердцем на ухаб,
багровыми подтёками рассвета набухал.

А в это время в сладости омытых кровью фикс
всё клянчил взгляды каверзно озябший утром сфинкс.

ЗОДИАК

Как будто бы рождённый в Бутово,
с ватагой местных забияк,
свинчаткой бил и день опутывал
неумолимый зодиак.

Ломая крышам переносицы,
как сумасшедший городской,
он февралём отчаянно носится,
убийства выдав гороскоп.

И лезвие стремится месяца
исследовать года орбит –
астролог ли так с жиру бесится,
что просыпаешься обрит

и ждёшь суда его сурового,
дичась хромированных скоб,
когда, пространство изуродовав,
тебя увидит телескоп.

ЕГИПЕТ

Фараон наш страшно горд –
он офонарел.

Третий месяц каждый год
бесится Хефрен.

Пропечёт воловий бок
вспыхнувший восток.
Медью выкованный блок
делит день на сто.

Бич хвоста сшибает мух,
мылит важный зад,
за Осирисом во тьму
прячет раб глаза.

Глыбы приняв с кораблей,
спин не разогнуть.
Солнце тащит скарабей
до утробы Нут.

Волокуш ремни тyani,
дохни от плевка...
Сесть бы где-нибудь в тени,
потянуть пивка.

Но на площади Тахрир
не в почёте спирт,
сонный Ра в чаду охрип,
и Мубарак спит,

помня истины завет
древних пирамид:
человеку человек –
вечный брат и гид!

ПРИТЧА ВО ЯНЦЫЩЕХ

Я от жёлтого ливня тебя не спасу,
хворостиной по спинке до дома пасу.
Ты Сибирь, как гранату, кидая,
пей зелёные травы Китая.

Отличай, если хочешь, Рембо от Рабле,
и пока ты на пьяном плывёшь корабле –
я тебя приласкаю по скайпу
от шиньона до красного скальпа.

А в соломенной шляпе седой мандарин
говорит языком привозных мандолин,
и елозит на джонке Лолита,

пропадая в стране целлюлита.

Ничего не осталось от двух ойкумен –
потому что живём мы в аду перемен.
Покурить бы зелёного чая,
бытиё из себя исключая.

За Урал красновзвёздные мечты мечи
или просто тибетскую тайной молчи,
в быстротечной могиле Чапая
от прилива крови утопая...

* * *

В день бездумный и промозглый
от глубин весенних чащ
до костей и вглубь, до мозга,
воздух длинен и кричащ.

Ветер в хлопотах довольных
дни и ночи напролёт
звон от струн высоковольтных
в шапку ельника кладёт.

И, похрустывая веткой,
к жгучей радости крапив,

шаг зари в обувке ветхой
по земле нетороплив.

ЦВЕТМЕТ

Мой пламенный философ, – карантин!
Ещё ты помнишь фантомное жженье,
ведь кабель, что, как жизнь, под напряженьем,
на кисть тебя вчера укоротил.

Но, вырастая в глиняный колосс,
по рельсам ты блуждаешь без утайки
и, возле шпал откручивая гайки,
назавтрапустишь поезд под откос.

И, сердце метанолами храбря,
нажатием моих нелепых клавиш
в лесу ты август, как резину, плавись,
надеясь добрести до октября.

Вот камень, что алхимиком готов:
смотрите, если кто-то не заметил –
сгущенье алюминия и меди
даёт в итоге золото годов.

* * *

Не о том я пока пою,
строки кровью своей пою,
и они набухают в плоть,
как Господь.

В то, что пишешь, и сам не верь –
сердце заперто, словно дверь,
а ключи высоко звенят –
глубоко в меня.

Это было и будет так:
ночи синей дерёт наждак,
вместе с кожей за стружкой слов
обнажает зов.

И шепчу я на свой ушиб
и в воде, и в огне души –
за дуду мою да рожки
утопи! сожги!

Отрывается календарь,
стих кружится куда-то вдаль,
по нему я – как по жнивью,
но ещё живу.

* * *

Колодезная рябь –
на хруст, как всхлип ребёнка,
пелёнка рвётся тонко
о льдинку ноября,

где огненный сазан,
набухнув пухлой брюквой,
мелькнёт нелепой буквой,
плывя реке в казан.

Раз так заведено –
в круги проплыть от камня,
что в Лету гулко канет,
ударившись о дно.

Моря спадают ниц,
к луне отходят воды,
и кесарь время водит
по лону рожениц.

НЕ ВЕРТЕР

Сегодня жгут венки осеннего родства...
В поношенном фуфле служитель культа,

от тяжести метлы до прутика устав,
размешивает грязь, что чистый скульптор.

Ваятелю бы сесть, пивка перемешать
с тем, что до десяти теперь «не катит»,
но с грубого смешка – стоящего мешка –
он далее по тексту тачку катит.

Валяй, тащи её – бреди себе сизиф,
на труд твой наплевал дождливый город,
но в странный день родства – ты молод и красив,
пока ещё асфальтом не расколот.

С пылающим венком по скверам и садам
лети в свою бессмысленность, как ветер.
Слова твои я всем, конечно, передам,
что Вертера не будет. Рифма – верьте.

ДОКУМЕНТ MICROSOFT WORD

Через всё, что в жизни разбивалось,
а потом и склеивалось хоть –
мыслью сердца протекала алость
в кровь чернил и А4 плоть.

Через всё, что я любил и видел,

жаждал, но ещё не понимал,
возродится в Worde новый идол,
честен в правде, пусть пока и мал...

Только так: мучительно, но верно
новый проворачивает лист
ось стихов, томившихся от скверны
строк, что мне совсем не удалось.

О.М.

Если тёмный огонь отразится в ступенях воды
и как медленный конь истоптавший воронез до дыр
захрапит на сарай перекинувшись к крышам домов
значит грешник за рай навсегда умирать не готов

значит крестик сдавил изнурённую впалую грудь
значит в отклике вил не мятеж а призывы на труд
и горит огонёк у Матрён и задумчивых Кать
что взбирались на трон дабы семя мужское схаркать

значит встанет герой королевич степей и мотыг
за крестьянство горой продлевая столыпинский стык
на фонарных столбах на голгофах на детских плечах
кому в лоб кому в пах раздавая земную печать

потечёт от лампад долгожданный невольничий свет
от злодеев и падл заискрится знакомый завет
и пройдётся шатун по сибирским когтям-городам
разменявший версту на слова что я вам передам

ибо это во лжи искривляет огонь времена
потому что ожив наша память к бесчинствам смирна
и с обугленных уст у продлённого в вечность одра
алчный Молоха хруст оmyвает прямая вода

ИНОРОДНАЯ ВЕЩЬ

Перейдя на запретный язык,
потрясая основы,
плавяшь горлом немые азы
в клёкот странный и новый.

И когда инородную вещь
больше выплакать нечем –
голос твой вдруг становится вещь,
буквы разве что мельче.

* * *

Где истина высоколоба
и смысл печально глубок –

как гром среди ясного неба,
язык попадёт на зубок.

Откуда, откуда, откуда
под утро в душе холодок –
как предвосхищение чуда
пока не услышанных строк?!

* * *

Земля – это белая точка
и – вдруг – наплывающий шар,
на клеть голубого листочка
упавший, ушедший пожар.

И снова – сиянье, горенье
над пропастью светлых скорбей,
где Землю, как словотворенье,
покатит поэт-скарабей.

* * *

Найти строкой ещё немного
пока неведомых имён,
где данным от рожденья слогом
навечно был ты заклеимён,

где в страшной замкнутости круга,
растянутые, как вода,
слова влюбляются друг в друга
и расстаются навсегда.

* * *

Проклюнется день в скорлупе одеяла
и вдруг закурлычет во весь голосок
в захлёбе весны, что с утра обуяла
шкварчащего солнца утиный желток.

И щебет щербета, и патока неба,
и тёплая горстка апрельских семян
заменят колючие чёрточки снега
на птицепись звонких времян.

* * *

От овечки до агнца шаг.
Вынул нож и кадык перерезал.
Вот и время по темечку – шарк!
Отдохни, мол, набегался, резвый.

Под тенёчком лежать хорошо –
здесь в меня прорастает осина...

И трепещет её корешок,
наполняясь разумною силой...

ИЗ ЦИКЛА «РЕЧНОЕ»

1

И меня в эту жизнь засосёт
по колено, по локоть.
Плавниками проросший осётр,
буду Волгу я лопать.

Судаком посудачу на дне
о превратностях ила,
где блесна размотавшихся дней
в мои дёсны входила.

2

Если вечер нанизан на месяц,
как червяк на крючок рыбака,
ничего твоё время не весит
и наживка уже глубока.

Рыбье сердце заноеет в груди,
лопнет мир, как огромный пузырь.

Жизнь, всплывая к небесной ундине,
не разжалобит звёздный пустырь.

3

Где в стакане ныла челюсть,
плыл карасик подбоченясь.

Выпив всю в стакане воду,
обрети, карась, свободу.

И качнутся образа
прямо в мёртвые глаза.

А огарком от свечи
обожжёт – хоть закричи.

ИЗ ЦИКЛА «БОЖЕСТВЕННАЯ ПРАВДА»

Галине Булатовой

1

Расписались на форзаце правды –
между нами не осталось тайны.
Утром в сквере повесть листопада

близоруко мы с тобой читаем.

От любви – сильнейшей в мире магии –
вспыхнем и взлетим в пределы рая,
пусть ни на холсте, ни на бумаге
так уже никто не умирает.

2

День отстукан гулким ундервудом,
но из текста вычеркнуты главки,
и лучом багровым – жив покуда –
внесены божественные правки.

Высохла чернильница заката,
томик звёзд упал на дно колодца –
утром с красной строчки миокарда
слово человеческое забьётся.

3

Не с Евтерпой – но трепетной музой,
королевой полночных стихий,
обретя долгожданные узы,

я прошу, несмотря на грехи:

и по ту вертикаль, и по эту

на небесных весах обнови

безграничное счастье поэта –

невесомое чувство любви.

4

Смотреть с тобой японское кино,
вдыхать слепой восторг цветущих вишен
и кукурузой пачкать кимоно:
сидеть, глядеть и будто бы всё слышать,

но кроме нас не видеть ничего,
забыть, что мир изменчиво юродив,
лишь пальцами читать твоё плечо –
как женственности вечный иероглиф...

ИЗ ЦИКЛА «НЕБО»

За минуту до гудка
из трубы фабричной
дым ленивый три витка
делает привычно

и ползёт до верхних сфер,
намекая ночи,
чтобы главный инженер
звёзды обесточил.

2

Не ходите в сапогах по небу,
облака затапывая в пыль,
нагибайтесь под рассветом медным,
чтоб о Солнце не разбили лбы.

Ничего не трогайте руками:
хрупок мироздания клочок.
На подошве занесёте камень —
у Атланта вывернет плечо.

3

Перегорело Солнце в зале,

и, наспех подставляя стул,
Альдебаран мы в руки взяли —
рождаем новую звезду.

Минута до великой вспышки
за мглою кроется веков.
Узнай, поэт, как время дышит
для вдохновенных дураков!

4

ТУНГУССКАЯ ШВЕЯ

В игольное ушко Вселенной
кометы вдеается след,
стежками сшивая мгновенно
мерцающий холодно свет.

Сегодня ли Землю угробят,
когда на проплавленный лёд
меж Леной и вспененной Обью
шальная заря упадёт?

5

В облака вонзая когти,

мимо городов,
режет воздух геликоптер
махами винтов.

Он добычу снова сыщет
для себя и в дар –
не останется без пищи
старенький ангар.

* * *

Тиха и прозрачна осень,
и хрупок полёт листа,
который стремится, оземь
ударившись, вещим стать.

И так бесконечно немо
в желании долг вернуть
многопудовое небо,
упавшее мне на грудь...

* * *

Небо с водой не дружит –
те же цвета, но речь
синюю речку душит,

в душу спеша затечь
громким хмельным потоком,
молнией и слезой –
водит под мокрым током,
слепит сухой грозой...

ИЗ ЦИКЛА «НАРНИЯ»

1

ПОДСНЕЖНИК

На ферме работаешь в Нарнии
и думаешь, что не умрёшь,
но встретишь эльфийскую армию –
и замертво падаешь в рожь.

Теперь тебе днями загробными
земле колыбельную петь
и маленький хлеб под сугробами
весенним детишечкам греть.

2

Чёрный поросёнок Игорь –
ты бессмертен, не умрёшь,

не проткнут тебя острой пикой,
не засунут в тебя нож.

И глаза твои бесконечные
будут вечно в хлеву светлеть,
потому-то и мне, конечно,
ничего не узнать про смерть.

3

КАМО ГРЯДЕШИ?

два лаптя до леска ход от хат
распознав вороньё да во птах(ах!)
на обед пановьям из ольхи уха
пуще пше забредя дух потух

ан не мёд по губам погубил
но зари полоса по усам
обломал об ольшаник горбы гурьбы
из болота напившись Сусанин сам

4

Восемь дней тосковала пшеница
по убившим её тракторам,

ей бы, дуре, надежды лишиться,
избежав прорастающих ран.

Но кусал я счастливую булку,
золотистым рассветом облит,
утешая себя, что как будто
ничего, ничего не болит.

5

У меня за пазухой три смерти,
выбирай, какая по душе:
от тоски, что мыслями завертит,
от беды, от рая в шалаше.

А ещё четвертую, иную –
эти три вобравшую в себя,
только для поэта сохраню я,
так его терзая и любя...

6

Под сенью скользких грозных крыш
струится на работу челядь,
и снег становится так рыж,
когда сосулька входит в череп.

И ты войдёшь в меня, весна,
грудь распоров лучом участия,
и я воспряну ото сна
и кровью напишу о счастье!

7

Мне впервые не нужно,
чтоб стихи меня в кровь измотали.
Так прощай же, оружие,
9 грамм голубого металла.

Признаю поражение,
уходя молчаливой тропею,
только тихое жженье –
это праздник, который с тобою...

8

Чьей-то древнею рукой
ковш на небе вышит
и закинут далеко –
черпать души с крыши.

Спи, мой маленький, а то

выйдешь спозаранку –
обнаружишь на виске
маленькую ранку.

* * *

Весне на помощь – шаг ребристых шин,
дробящий лёд в кофейную порошу...
От февраля последние гроши
на чтение Рембо я уничтожу.

Сойду на нет. Закончусь в три листа.
Оплавлюсь солнцем бешеного марта,
и будет сон мне – выстрел у виска,
как экстремизм седеющего Сартра.

* * *

С небосвода конопатого,
как с кленового листа,
сорвалась – и снова падает
сумасшедшая звезда.

Облака её коверкают,
выплавляя света сок,
и летит она калекою –

всё стихами об висок.

* * *

До обугленного края
пляшет ручка вширь и вдоль –
прозе я не доверяю,
лишь в стихах правдива боль.

Лепет, шелест, шорох, шёпот,
звёзд безумных голоса –
есть мой самый верный опыт
глянуть истине в глаза.

* * *

Казанскому поэту Юрию Макарову

Из кореньев слов душистых
предложу настой.
Гость случайный, не ершишь ты,
что настой простой.

Не отцеживай травинки,
пей стихи сполна,
их нельзя до половинки –

залпом и до дна!

* * *

За окном, до утра приуныв,
двор уляжется с нищим.
Замерцает фонарик луны –
что ты, Господи, ищешь?

Летом полночь совсем не видна –
бродит полуживая,
осушая поэта до дна
и бутыль разбивая.

* * *

Жизнь – застенчивый кузнечик,
разбегающийся в даль.
Прыгнет в небо человек
и исчезнет навсегда.

Только клеверная стела
прорастет в тени крыльца,
и останется от тела
золотистая пыльца.

ЛУНАТИК

Как на лампаду, на небо дохнёшь –
погасишь звёзды, отвернёшься к стенке,
и, сном полурасстрелянный, начнёшь
цедить глагол оспатой ассистентке.

Она тебе сквозь тюль засветит в глаз,
и ты, словечки нанизав на рёбра,
на ловкое циркачество горазд,
карнизом ржавым пятишься нетвёрдо.

О, Господи, ты только не буди,
когда я черепицу разминаю,
ходи со мной по этому пути,
пока не приключится жизнь иная.

Тогда кульбиты будут так лихи,
так искренне прочертится глиссада,
ведь падать – это как писать стихи:
ни притворяться, ни уметь – не надо.

ЧАСЫ

Не скрипнет засыпающий засов –
лишь маятник потрёпанных часов,

вися на волоске, качнувшись в полночь
от шестерёнок звёзд и сна пружин,
назойливо комариком кружит,
колёсиком звенит тебе на помощь.

Ну что за жизнь в бессмертии таком?
Под мерный стук ты возишься с замком,
проклятых стрелок приближая залежь.
Убив кукушку, смерть не обмануть –
макнёшь перо в сиреневую муть
и облако над домом продырявишь...

ДЕКАБРЬ

Свернёшь в декабрь – кидает на ухабах,
оглянешь даль – и позвонок свернёшь:
увидишь, как на наших снежных бабах
весь мир стоит, пронзительно хорош.

И выюжная дорога бесконечна,
где путь саней уже в который раз
медведем с балалайкою отмечен,
а конь закатан в первозданный наст.

Замёрзший звон с уставших колоколен
за три поклона роздан мужикам

и, в медную чеканку перекован,
безудержно кочует по шинкам.

И тянется тяжёлое веселье
столетьями сугробными в умах,
и небо между звёздами и елью
на голову надето впопыхах.

ФАКИР

Пока по воде не ходил ты, ходи по гвоздям
и пламя стихов выдыхай из прокуренных лёгких, –
а я тебе сердцем за тайные знания воздам,
и пусть все слова оживают в руках твоих ловких.

Глотай бесконечную шпагу далёких путей,
нутро оцарапав тупым остриём горизонта,
толкующий сны, над подстрочником жизни потей –
нам слышен твой голос, в ночи раздающийся звонко.

Смешной заклинатель по свету расползшихся змей,
усталый адепт красоты, поэтический дервиш,
сомнения наши в нечестности мира развей,
пока ты на дудочке музыку вечности держишь.

Едва различима суфийская родственность каст,

и пассы твои над душою совсем невесомы,
но проблеском истин питается магия глаз –
мы живы, пока удивляться чему-то способны.

СТОМАТОЛОГИЯ

Теперь зубочистке осталось
царапать по нервам прорех –
тянись, саблезубая старость,
расщёлкать познания орех.

Фарфоровой мудрости гностик,
вставной летописный резец –
вгрызайся с малиновой злостью
в проклятый язык, наконец.

Последние сгустки апломба
на ватку сомнения сплюнь,
почуй, как морозная пломба
врастает в пульпитный июнь.

На страшное синее нёбо,
на хрусткую, с кровью, эмаль –
смотри через зеркальце в оба
и скрежету глотки внимай.

Пока ты под местным наркозом,
пока ещё жив протезист,
напильник извечных вопросов
над лобною костью навис.

Но всё перемелется, братцы:
коронки, каретки, мосты...
Придёт санитарка прибраться
и буквы смахнёт на листы.

К покою приёмному хлопца
крылатый ведёт поводырь.
Лишь челюсть болеть остаётся
в стакане кричащей воды.

СПАС ИБО

Далеко ли до берега, отче?
Далеко – отвечает мне эхо...
Да и сам понимаю я, в общем,
что ещё до себя не доехал,
не дополз, но добрался до ручки,
до пера в раскалённые рёбра,
и перо то – не с ангельской кручи,
а с проклятого гордого нёба,
что рождает чванливые мысли

и всевластием сердце взгревает:
шутовского величия мысы
слово в слово выводит кривая...

В это кардио больше ни грамма
не принять мне, живым или мёртвым,
ни сияния божьего храма,
ни проклятия ханжеской морды,
ведь сожжённое сердце не плачет,
только пеплом всё сыплет и сыплет –
запорочит тоску, и тем паче
всё потонет в смирительной зыби.

Вот тогда лишь, писака и врака,
не поэт кровоточащий ибо,
ото лжи уберёгшись и мрака,
немоте прокричу я спасибо.

* * *

Гале

Птичий контур, чертёж без деталей,
в небо шаг, или взмах, или два,
от осенне-осиновых далей,
пункт за пунктом, пунктиром, едва,

прочертив облака, предназначав
оставаться на окнах ночей
и пером по бумаге зачем-то
лунной горлицей стынуть ничьей,

занемочь, где в сиреновой тряске
клювы клином вбиваются в юг
и синицы, сипя на татарском,
минаретные гнёздышки вьют,

задышать глубоко в понедельник,
отыскав голубиную клеть,
и застуженный крестик нательный
на груди у меня отогреть.

СВЯТКИ

Очнись в студёный вечерок, пойми на деле,
что от звезды и до воды не две недели:
другая жизнь, другие сны, другие меры
от новых жителей земли не нашей эры.

Заворожённо посмотри, как месяц в прятки
играет с мальчиком в окне, что ждёт колядки...
И войско ряженных идёт, беря овраги,
и быть веселью на селе в потешной драке.

Проймись волшебным угольком, как ветром с Вятки,
и замаячит шиликун тебе на святки –
так живо сердцем отомрѣшь, на это глядя,
что, добежав, охолонёшь в крещенской глади.

А поутру поймѣшь ещё, поверив глазу,
что день берѣт теперь своё – за всё и сразу.
Очнись, родной, и восхитись, ведь мир внезапен,
я б тоже это оценил, да что-то запил...

* * *

Проржавела небесная кровля
и закатом на окна крѣшит.
До последней осенней крови
день бомжами за домом прожит,

и поджарен последний голубь
на горящем куске картона.
За невысказанным глаголом
градус в горле бродяги тонет.

Так уходят отцы и деды,
в коммунальных спиваясь клетях,
это им через крюк продеты

удушающие столетья,

это души их по округе
в предпохмельном суровом плясе,
за собою задраив люки,
громыхают по теплотрассе.

ДИЗАЙНЕР

Живописи растровой младенец,
млеющий от астр,
сигаретой в монитор нацелясь
и прищурив глаз,

отбивает на клавиатуре
пиксели дега,
а в окошке лунный шар надули,
за окном декабрь,

и над миром в облаке конторском,
там, среди планет,
над последней и священной вёрсткой
ворожит поэт,

и шрифты, забитые под Corel
или Photoshop,

расцветут волшебным словом вскорее –
станет хорошо!

КЕССОННАЯ НОЧЬ

Кессонной ночью, влажной и млечной,
всплывая к высотам рыб,
в крови закипают стихи,
конечно,
когда ты уже охрип.

И воздух хватая рукой бумажной,
цепляясь за звёздный грунт,
стихи разрывают висок,
и каждый
вздымает мёртвую грудь.

И бьётся плавник о поверхность стали,
и вывернут странно рот
у тех, кто поверх перископной дали
проходит по небу вброд.

* * *

Когда истрачена судьба,
когда нет выдоха и цвета

и в однокомнатку гроба
ты провалился до рассвета,

уже отфорченный апрель
тебя по горлу поласкает,
когда щеку щекочет хмель,
а холодильник зубы скалит, –

всё только вечность оттеняет –
закладка, Гамсун, бигуди,
прямоугольник одеяла –
вечерний холмик на груди...

И знойней тени и длинней,
но счастье так проклюнет тонко –
в нектаре клейком простыней
рождается цветок ребёнка!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ

День с бегущими клёнами лисьими,
разбивая бутылъ сентября,
проливается бурыми листьями
на провидческий стол бунтаря.

Переполнена кровью чернильница,

вдохновением пышет перо,
и бунтующий выписать силится
летней жизни смешной эпилог.

Только с красной строки получается:
то разлука, то, что уж там – смерть.
За полстрочки луна-распечальница
льёт в глаза ему жгущую медь.

Но чернильницу сажей промакивать
на стремительный пёрышка взмах –
это души героев обманчиво
поселять в неокрепших умах.

По летящему росчерку длинному,
шевелению каменных губ,
и по сердцу, и по небу – клин ему,
пальцев хруст в полуночную мглу.

И ломаются главы от окрика,
и слова собираются в бой –
за роман, не дописанный отроком,
за стихи, пережившие боль...

* * *

Ещё на миг очнётся колокольня
и упадёт на поле звон малиновый,
где чернозёма масляные комья
в колени прорастут ржаной молитвою.

Клянись и кайся, омывая колосья
ячменными слезами и гречишными,
пока по травам остро ходят косы,
остротами покамест не грешившие.

Насыпь в лохань ярчайших зёрен проса,
сломав язык, как об колено хлебушек,
татарские шипящие без спроса
заимствуя у деревенских девушек.

Плечи в гортань, не задевая печень,
пока рассвет на небе преет мускусном,
и жги листы, коль растопиться нечем,
поигрывая занемевшим мускулом.

* * *

Гале

Так устану – что ты к устам
поднесёшь мне однажды зеркальце

и проржавленный пьедестал
за кумиром на небо сверзится.

Посади меня в чернозём –
лучше так, чем терпеть и мучиться:
отрыдаться разок за всё,
дорогая моя попутчица.

На плечо да на хрупкий стан
не возьмёшь ведь всю силу храма ты,
виноватится ангел сам –
нет поэту охранной грамоты.

Облака керосином жгут,
полыхает бумага писчая –
как же сильно меня там ждут,
что ожогами лишь я жив ещё.

* * *

Часы стучат в ночные барабаны
и цокают надменно язычком,
а тишина, раздробленная ими,
в травмпункте в очереди
корчится от крика.

Минуты не срастутся в вечность...

...Но где-то в детстве
мгновение садится на ледянку
и с горочки стремительно скользит.

Мгновение скользит...

КОМПЬЮТЕРНЫЙ ВИРУС

Когда у Ангела иссякнет
волшебный звук – мышинный клик –
и сисадмин, и хакер всякий
одарят пятками угли.

Тогда сойдутся в небе куцем
комет бесчисленных круги
и антивирусом сотрутся
и аватарка, и логин.

Пароль искать уже не нужно –
за дело взялся программист,
но путь его, как сервер выюжный,
на мониторе жизни мглист.

Гугли же крепкие носилки,

когда зависнет сердце вдруг –
мы все пройдем по Божьей ссылке,
пути земного сделав крюк.

ЗА КРОВАВУ РЕЧЕНЬКУ

За кроваву реченьку, за мосток
отправляться в путь контрабасу нужно.
Впереди Ичкерия и Моздок,
впереди война, разговор оружия.

Впереди предательство и чины,
самопальный спирт как итог зачистки.
Километры берцами сочтены,
а слова домой – и не перечислишь.

За спиной Аргун и удар в обхват –
сто голов под роспись в ворота чехов;
прибалтийский цейс из ближайших хат;
на растяжке крик разрывного эха.

Если вышел срок тебе – помолчим.
Походив по горным дорогам с нами,
ты наверно видел звезду в ночи,
и она шептала тебе о маме.

Это просто тень на глаза легла
и сморило вдруг молодое тело...
На поминках водочка так легка,
хороша в графинчике запотелом.

И теперь гуляет в раю душа,
позабыв про ужас ночного боя...
На поминках водочка хороша,
на зубах хрустит неизбывной болью.

* * *

Всё, что жизнь проговорила,
всё, что совесть не прочла –
протрубило Гавриилом,
утекло путём ручья.

Отблестело, отзвенело,
в гулком небе назвалось
и в измученное тело
пролилось душой насквозь.

Отшумело, отзвучало
липким ливнем громких слов –
бесконечное начало
и задумчивое зло.

Всё, что справа, всё, что слева –
отболело и ушло
в запредельные напевы,

и молчало хорошо.

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Под тобою походим, Отче – очень ли нагрешим?
Ты помилуй-ка, Боже, позже – у нас режим:

до обеда хлебаем беды, ко Всенощной спим.
Не по требнику треба – выгибание ломких спин.

А когда ты нас выдашь, курва – сдашь как кур в ошип,
причастимся счастьем, окунаясь в кипящие щи.

Так на фоне раки – на Афоне засвищет рак,
перекрестится Будда, будет лоб разбивать дурак.

И за это поэту в его полные тридцать три
по ладони ладаном проведи и черту сотри.

* * *

Первая луна на человеке
светит в любопытный объектив,
а Господь смежил на это веки,
космос на себя облокотив.

И летит в извилистые дали
куча механических проныр
проверять по звяканью медали
видимость обратной стороны.

Первопроходимцы и проходцы
этой неуёмною зимой
жгут своё неверие о Солнце
всею окрылённостью земной.

А весной, разумной и лечебной,
примет космонавта на поля
крови намешавшая и щебня
первая, как исповедь, земля.

МУЗЫКА РЕЧИ

Намолчи на сто столетий,
а сорвавши кляп,
убедись, что смертны дети –
и хорей, и ямб.

Между сном и настоящим
истина одна:
в звонком выпадѣ разящем
правда холодна.

Бритву чувства вскинѣшь снова,
чтоб вершить добро...
Об язык заточишь слово –
бей им под ребро.

Время, звякнув циферблатом,
упадѣт ничком,
тронет мысль скрипичным ладом
по виску смычком.

Правит музыку, известно,
музыка сама.
Полоснѣт по горлу песня –
вытекут слова.

ЁЛОЧНЫЙ СОК

выжимаѣшь ёлочный сок на ладонь –
а ладонь в крови,
и течѣт горячая жизнь с неѣ,

и течёт внутри.

остановишь веселье потом, потом,
а пока – дави!

окуная широкий лоб в вино –
на сугроб смотри...

с деревянной лошади, мчащей вскачь,
дед мороз орёт,
бесконечным посохом, аки Бог,
этот стих дробит.

медсестра снегурочка, филин врач –
мне наполнят рот
ледяной таблеткой тоски – и слог
о любви убит.

без ума в груди и душевных скреп –
хоровод пустынь.
только слышен дурацкий детский смех,
но ведь слышать – труд.

и текут стихи, запекаясь в хлеб,
к рождеству звезды,
и семью стихами накормишь всех,
только все умрут.

ГАМСУН

Да, Гамсун – кнут: и жгуч и резок –
так под сурдинку пел с листа,
что кожу фьордов, словно с фресок,
срезала крупповская сталь.

А ты, читатель, если сможешь –
в подвале чтения замри,
пока бомбёжек первый отжим
являет миру сок земли.

Пока, бесчувствием расколот,
поэт не видит в том беду...
Не мы – а нас напишет голод,
перо макая в лебеду.

ЯНВАРЬ

Когда январь мерцает весело
туманной звёздностью армад –
смотри, как небо с тучи свесилось
и опадает на дома.

Зима на город снова дуется,

и в снежной хваткости оков
скрипит простуженная улица
шагами редких смельчаков.

А в парке, в солнце разуверенном,
всё бестолковой и скорей
пожаром тел больное дерево
врачует стая снегирей.

И дышится – морозом в голову!
И крик идёт на укорот –
как будто ледяное олово
тебе запаивает рот.

ПАФОС

Нет пути на древний остров,
вот и Пафос сдан в утиль:
с морем слов сложился просто
штиль высокий – в полный штиль.

А когда-то Афродита
там, из пены выходя,
лунным светочем облита,
дописала строчку дня.

В яром царстве патроната
в речи вкладывал патрон
оратории оратор –
литератор Цицерон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.